

Весь

ГАРДНЕР

СОВЫ
НЕ МОРГАЮТ

ВСЕГДА ГАРДНЕР

ЭКСМО

Эрл Стенли Гарднер
Отведи удар
Серия «Дональд Лэм и Берта Кул», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123200
Совы не моргают: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38641-3*

Аннотация

Тандему частных детективов – пробивной Берте Кул и сметливому Дональду Лэму – по силам расследовать самое запутанное дело, и для этого им достаточно малейшего намека, самой несущественной на первый взгляд детали. На этот раз знаменитым героям предстоит разыскивать сбежавшую после скандального развода супругу доктора Линтига.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эрл Стенли Гарднер

Отведи удар

Глава 1

Я открыл дверь с надписью: «Сыскное агентство Берты Кул».

Элси Бранд на мгновение подняла голову и сказала, не переставая стучать по клавишам:

– Входи. Она ждет.

Сопровождаемый стаккато ее машинки, я прошел через комнату и толкнул дверь с надписью: «Берта Кул – посторонним вход воспрещен».

За столом восседала сама Берта – огромная и неистовая, как бульдог. Ее бриллианты ярко сверкали в лучах восходящего солнца, когда она протягивала руку к папке с бумагами, сортируя и перекладывая их. Худощавый человек, сидевший в кресле для посетителей, поднял на меня испуганные глаза.

– Ты долго добирался, Дональд, – сказала Берта Кул.

Я ничего не ответил, внимательно разглядывая клиента – стройного человека с седеющей головой и седыми, коротко подстриженными усами. Его решительно сжатый рот совершенно не соответствовал опасливому выражению глаз и напряженной позе. На посетителе были очки, такие темные, что невозможно было различить цвет его глаз.

Берта Кул сказала:

– Мистер Смит, это Дональд Лэм, человек, о котором я вам говорила. Дональд, это мистер Смит.

Я поклонился.

Смит ответил ровным голосом человека, привыкшего сдерживать эмоции:

– Доброе утро, мистер Лэм.

Он не подал мне руки и вообще казался разочарованным.

– Смотрите не ошибитесь насчет Дональда, – вмешалась Берта Кул. – Он здорово работает. Видит бог, ему не хватает бойкости, но голова у парня что надо. Правда, он молод и неуступчив, но дело свое знает хорошо.

Смит кивнул. Кивок показался мне неуверенным, но из-за очков я не видел выражения его глаз.

– Садись, Дональд, – пригласила Берта Кул.

Я присел на тяжелый деревянный стул с высокой спинкой.

– Дональд ее найдет, если это вообще возможно, – продолжала Берта. – Он не так молод, как кажется. Дональд успел поработать адвокатом, но его вышибли, когда он рассказывал клиенту, как можно совершить вполне законное убийство. Дональд считал, что он просто объясняет юридические тонкости, но ассоциации адвокатов это почему-то не понравилось. Они сначала объявили, что это неэтично, а потом – что этот способ вообще не сработает. – Берта Кул довольно долго хихикала, потом снова заговорила: – После этого Дональд пришел работать ко мне. И первое же дело, которое он вел, провалилось бы, если бы ему не удалось доказать, что в нашем законе об убийствах есть огромная прореха, через которую можно проехать верхом на лошади. Сейчас закон срочно дорабатывают. Вот вам и Дональд!

Берта Кул уставилась на меня с деланным восхищением. Смит снова кивнул.

Теперь Берта заговорила со мной:

– В 1919 году, Дональд, доктор Джеймс К. Линтиг с супругой жили в Оуквью, на улице Честнат, 419. После большого скандала Линтиг смылся. Но он нас не интересует – ищи миссис Линтиг.

– Она должна быть в районе Оуквью? – спросил я.

– Этого никто не знает.

– Какие-нибудь родственники есть?

– Похоже, никого.

– Сколько лет они были женаты?

Берта посмотрела на Смита, но тот покачал головой. Однако Берта Кул продолжала вопросительно смотреть, пока Смит наконец не сказал, как всегда ровно и спокойно:

– Я не знаю.

– Займись этим, Дональд, – сказала Берта Кул. – Нужно, чтобы никто не знал о расследовании. А главное, никто не должен узнать имя нашего клиента. Возьми служебную машину и берись за дело. Ты должен попасть в Оуквью сегодня вечером.

Я посмотрел на Смита:

– Мне придется расспрашивать о ней.

– Конечно, – ответил Смит.

– Будешь выдавать себя за ее дальнего родственника, – добавила Берта.

– Сколько ей лет? – спросил я.

Смит задумчиво нахмурился и сказал:

– Не знаю. Это вы уточните на месте.

– У нее есть дети?

– Нет.

Я перевел взгляд на Берту. Она достала из ящика стола ключ, отперла сейф и вручила мне пятьдесят долларов.

– Это тебе на расходы, Дональд, – сказала она. – Расследование может затянуться. Постарайся, чтобы этих денег хватило на дольше.

Смит кивнул, постукивая кончиками пальцев по лацкану своего серого двубортного пиджака.

– Есть какие-нибудь данные о ней? – спросил я.

– А что тебе еще нужно? – осведомилась Берта.

– Любые сведения, – сказал я, глядя на Смита.

Он только покачал головой.

– Все, что о ней известно: есть ли у нее коммерческое образование, какую работу она может выполнять, кто ее друзья, были ли у нее деньги, толстая она или худая, блондинка или брюнетка, высокая или маленькая.

– Я, к сожалению, ничем не могу вам помочь, – пожал плечами Смит.

– Что я должен делать, когда найду ее?

– Сообщишь мне, – ответила Берта.

– Рад был с вами познакомиться, мистер Смит. – Я сунул в карман пятьдесят долларов, отодвинул стул и пошел к выходу.

Когда я проходил мимо Элси Бранд, она не потрудилась даже оторвать взгляд от своей машинки.

Автомобиль агентства был старой развалиной с покрышками, стертыми почти до корда, и прохудившимся радиатором. Стоило разогнаться до пятидесяти миль, как передние колеса начинали отчаянно отплясывать шимми и все так дребезжало, что почти не слышно было, как стучит двигатель. День был жаркий, и я намучился с машиной, пока перебирался через горы. В долине стало еще жарче, и я чувствовал, как глаза мои варятся вкрутую прямо в скорлупе черепа. Я не настолько проголодался, чтобы терять время на остановку, – просто

взял гамбургер в придорожной забегаловке и сжевал его на ходу, придерживая руль свободной рукой. В половине одиннадцатого вечера я въехал в Оуквью.

Городок был расположен в предгорьях. Здесь было не так жарко, в воздухе чувствовалась влага, и безжалостно кусались москиты.

Сбегающая с гор речка журча извивалась вокруг Оуквью и разливалась широким плесом ниже по равнине.

Оуквью был пришедшим в упадок центром округа. Тротуары были заполнены гуляющими. Вдоль улиц перед старыми домами стояли ряды старых тенистых деревьев. Городок рос медленно, и у отцов города не было оснований вырубать деревья и расширять улицы.

Гостиница «Палас» была открыта. Я снял номер и сразу завалился спать.

Разбудили меня пробивающиеся сквозь занавеси лучи утреннего солнца. Я побрился, оделся и подошел к окну полюбоваться городом с высоты птичьего полета. Внизу виднелось старомодное здание администрации округа. Под сенью мощных развесистых деревьев поблескивала река, а под самыми окнами проходила аллея, уставленная пустыми упаковочными коробками и мусорными ящиками.

Я прошелся по улице, высматривая место, где можно хорошо позавтракать, и зашел в ресторан, неплохо выглядевший снаружи, но пропахший прогорклым жиром изнутри. После завтрака я уселся на ступеньках здания администрации дожидаться открытия.

Чиновники лениво тащились на работу. В основном это были старики с умиротворенными лицами. Они брели по улице, время от времени останавливаясь, чтобы обменяться последними сплетнями. Шаркая по ступенькам, старики удивленно поглядывали на меня. Я был для них чужаком.

Костлявая женщина, сидевшая в канцелярии округа, выслушала мою просьбу, глядя сквозь меня тусклыми черными глазами, и принесла большой регистр за 1918 год – слегка пожелтевший том в бумажном переплете.

Добравшись до буквы «Л», я прочитал:

«Линтиг – Джеймс Коллит, врач, улица Честнат, 419, возраст 33 года. Линтиг – Амелия Роза, домохозяйка, улица Честнат, 419». Возраст миссис Линтиг не указала.

Я попросил регистр за 1919 год, но там фамилия Линтиг не значилась. Выходя, я чувствовал затылком пристальный взгляд темных глаз женщины.

В городке выходила единственная газета – «Блейд». На табличке, висевшей на здании редакции, перед названием стоял знак «W». Это означало, что газета выходит еженедельно. Я вошел внутрь и постучал по стойке.

Стук пишущей машинки прекратился, и из-за перегородки выглянула девушка с каштановыми волосами. Сверкнув белозубой улыбкой, она поинтересовалась, что мне угодно.

– Две вещи, – ответил я. – Ваша подшивка за 1918 год и название места, где можно хорошо поесть.

– Вы заходили в «Элиту»? – спросила девушка.

– Да, я там позавтракал.

– О, – огорчилась она. – Тогда попробуйте зайти в «Грот» или в кафе гостиницы «Палас». Вам нужна подшивка за 1918 год?

Я кивнул.

Больше я не увидел ее улыбки. Передо мной были только плотно сжатые губы и внимательные карие глаза. Она хотела что-то сказать, потом передумала и вышла в заднюю комнату. Вскоре девушка вернулась с папкой, плотно набитой газетами.

– Может быть, скажете, что вам нужно найти?

– Нет, – ответил я и развернул номер от 1 января 1918 года. Быстро просмотрев пару номеров, я обнаружил, что выпусков многовато для еженедельной газеты.

– Теперь «Блейд» выходит раз в неделю, – объяснила девушка. – А в 1918 году газета была ежедневной.

– Почему такие изменения? – спросил я.

– Не знаю. Тогда я еще не работала.

Я сел за стол и стал просматривать лежавшую передо мной кипу газет. Первые страницы заполняли военные новости – действия подводных лодок, сообщения о прорыве немцев. Комитеты безвозмездных займов наперебой собирали пожертвования. Оуквью бурлил. Проводились массовые митинги, произносились патриотические речи. Канадец, вернувшийся с войны инвалидом, выступал с воспоминаниями о войне. Деньги лились в Европу как в бездонную бочку.

Я надеялся, что история развода Линтигов наделала достаточно шума, чтобы попасть на первые страницы. Но 1918 год подошел к концу, а я так ничего и не нашел.

– Вы разрешите, – спросил я девушку, – временно задержать эту подшивку и взять у вас газеты за 1919 год?

Не говоря ни слова, девушка принесла вторую папку. Я снова принялся за первые страницы. Перемирие подписано. Соединенные Штаты спасли мир. Американские деньги, американская молодежь и американские идеалы позволили Европе подняться выше мелочной зависти и эгоизма. Должна быть создана великая Лига Наций, которая будет обеспечивать порядок во всем мире и защищать слабых от произвола сильных. Война за прекращение войны выиграна! Мир спасен для развития демократии. Теперь на первую страницу начали просачиваться и другие новости.

В одном из июльских номеров я нашел наконец то, что искал, под заголовком: «СПЕЦИАЛИСТ ИЗ ОУКВЬЮ ВОЗБУЖДАЕТ ДЕЛО О РАЗВОДЕ – ДОКТОР ЛИНТИГ ПОДАЕТ ИСК ПО МОТИВАМ ТЯЖКОГО ОСКОРБЛЕНИЯ».

Газета осторожно обходила подробности, ограничившись сообщением о том, что подан иск. Адвокатами истца были Пост и Уорфилд. Я узнал, что доктор Линтиг имел обширную практику как глазник и отоларинголог, а миссис Линтиг была признанным лидером местной молодежи. Супруги были очень популярны в городе. Оба отказались давать комментарии представителю «Блейд». Доктор Линтиг направил репортера к своим адвокатам, а миссис Линтиг вообще отказалась что-либо обсуждать до суда.

Через десять дней о деле Линтиг кричали аршинные заголовки на первой странице: «МИССИС ЛИНТИГ НАЗЫВАЕТ СООТВЕТЧИЦУ – ЛИДЕР НАШЕЙ МОЛОДЕЖИ ОБВИНЯЕТ МЕДСЕСТРУ МУЖА».

Из статьи я узнал, что миссис Линтиг подала судье Гилфойлу встречный иск. В своем заявлении она назвала соответчицей Вивиан Картер, медсестру доктора Линтига.

Линтиг отказался от комментариев. Вивиан Картер не было в городе, и найти ее нигде не смогли. В статье сообщалось, что раньше она работала медсестрой в больнице, где доктор Линтиг проходил интернатуру. А когда Линтиг открыл собственный кабинет в Оуквью, он пригласил ее медсестрой. Судя по газетному отчету, у Вивиан было много друзей, которые единодушно утверждали, что выдвинутые против нее обвинения совершенно абсурдны.

Следующий выпуск «Блейд» сообщал, что судья Гилфойл вызвал Вивиан Картер и доктора Линтига в суд для дачи показаний, но Линтига вызвали из города по делам, и он не смог явиться, а мисс Картер еще не вернулась.

За этим сообщением следовали противоречивые комментарии. Судья обвинил доктора Линтига и Вивиан Картер в том, что они скрываются, чтобы уклониться от дачи показаний под присягой. Адвокаты Пост и Уорфилд с негодованием отрицали это. Они заявили, что обвинение, которое выдвинул судья, – противозаконная попытка повлиять на общественное мнение, и утверждали, что их клиент в ближайшее время явится в суд.

После этого сообщения о процессе перекочевали на внутренние страницы газеты. Через месяц суд постановил передать все имущество доктора Линтига его жене, миссис Линтиг. А еще через месяц доктор Ларкспур купил у миссис Линтиг помещение и оборудование ее мужа и открыл свой собственный кабинет. Адвокаты по этому поводу заявили только, что «доктор Линтиг скоро вернется и поможет наконец разобраться в этом деле». В следующих выпусках газеты о деле Линтиг ничего не сообщалось.

Девушка сидела на стуле за конторкой, глядя, как я листаю газеты.

– До второго выпуска за декабрь больше ничего не будет, – сказала она. – Вы найдете абзац в разделе местных сплетен.

Я отодвинул в сторону подшивку:

– А что я ищу?

Девушка внимательно посмотрела на меня:

– А вы не знаете?

– Нет.

– Тогда просто держитесь проторенной дорожки.

– Мариан! – позвал хриплый мужской голос.

Девушка легко вскочила со стула и скрылась за перегородкой. Оттуда послышались раскаты мужского голоса, потом два или три слова произнесла девушка. Я перелистал кипу газет и добрался до второго декабрьского номера. В одном из абзацев раздела сплетен сообщалось, что миссис Линтиг планирует провести Рождество с родственниками на Западе. Она едет поездом в Сан-Франциско, а оттуда на корабле переправится через канал. На расспросы о том, как продвигается дело о разводе, она заявила, что делом занимаются ее адвокаты, что ей ничего не известно о местонахождении мужа, и отвергла, как «нелепые и абсурдные», слухи о том, что она узнала, где находится муж, и собирается присоединиться к нему.

Я ждал, пока вернется девушка, но она не показывалась. Я вышел и заглянул в аптеку на углу. Там посмотрел в телефонном справочнике раздел «Юристы». Ни Гилфойл, ни Пост там не значились, зато был Френк Уорфилд, который снимал офис в здании Первого национального банка.

Я прошел два квартала по теневой стороне раскаленной солнцем улицы, взобрался по расшатанным ступенькам, прошел вниз по наклонному коридору и обнаружил Френка Уорфилда, который курил трубку, положив ноги на стол, заваленный книгами по праву.

– Я Дональд Лэм, – представился я. – Хочу задать вам несколько вопросов. Вы помните дело «Линтиг против Линтиг», которым занимались?..

– Помню, – перебил он.

– Вы могли бы, – спросил я, – сказать, где сейчас находится миссис Линтиг?

– Нет.

Я помнил инструкции Берты Кул, но решил попытать счастья.

– Может быть, вам что-нибудь известно о местонахождении доктора Линтига?

– Нет, – сказал он, а через мгновение добавил: – Он до сих пор не оплатил нам гонорар и судебные издержки по тому делу.

– Вы не знаете, у него остались другие долги? – спросил я.

– Нет.

– Как вы думаете, он жив?

– Не знаю.

– А миссис Линтиг?

Он покачал головой.

– Где можно найти судью Гилфойла?

В его бледно-голубых глазах мелькнула слабая улыбка.

– На холме, – ответил он, указывая на северо-запад.

- На холме?
 - Да, на кладбище. Он умер в 1930 году.
 - Большое спасибо, – сказал я на прощание.
- Уорфилд ничего не ответил.

Я зашел в канцелярию суда и сказал подозрительно глядевшей на меня женщине, что мне нужно посмотреть папку с делом «Линтиг против Линтиг». Она нашла папку за каких-нибудь десять секунд.

Я посмотрел документы. Там были иск, ответ, встречный иск, соглашение о предоставлении истцу десятидневного дополнительного срока, в течение которого он должен дать ответ на встречный иск, еще одно соглашение – о предоставлении ему двадцати дней, потом третье соглашение – о предоставлении ему тридцати дней, а потом запись о неявке в суд. Естественно, никто не вызывал в суд Вивиан Картер, потому что процесс не состоялся, а дело так и не попало в суд и даже не было формально закрыто.

Я вышел, чувствуя подозрительно-враждебный взгляд служащей.

Вернувшись к себе в номер, я написал на почтовом бланке гостиницы письмо Берте Кул:

«Б. Проверьте списки пассажиров судов, отбывавших в декабре 1919 года из Сан-Франциско на Восточное побережье через канал. Найдите, на каком из них отправилась миссис Линтиг. Посмотрите имена других пассажиров – может быть, удастся обнаружить ее попутчиков. Миссис Линтиг тогда была свободна, и не исключено, что она завела роман с кем-нибудь из пассажиров. Это давний след, но он может привести на золотую жилу. Пока у нас, кажется, шансов немного».

В конце я нацарапал свои инициалы, положил записку в конверт с заранее написанным адресом, и клерк заверил меня, что письмо будет отправлено поездом в два тридцать.

Я пообедал в «Гроте», а потом снова зашел в редакцию «Блейд».

– Я хочу дать объявление, – сказал я девушке с мечтательными карими глазами.

Она дважды внимательно прочитала текст и исчезла в задней комнате. Через несколько минут оттуда вышел массивный человек с покатыми плечами, с надвинутым на самые глаза зеленым козырьком и с табачной крошкой в углу рта.

– Вас зовут Лэм? – спросил он.

– Да.

– Вы хотите поместить в газете это объявление?

– Точно. Сколько с меня?

– Пожалуй, читателям будет интересно узнать о вас.

– Возможно, – ответил я. – Но этого делать не стоит.

– Небольшая реклама может помочь вам найти то, что вы ищете.

– А может и помешать.

Он посмотрел на листок с объявлением и сказал:

– Из этого можно заключить, что миссис Линтиг причитаются какие-то деньги.

– Здесь об этом не сказано, – заметил я.

– Ну, об этом не трудно догадаться. Здесь обещано щедрое вознаграждение тому, кто даст вам информацию о местонахождении миссис Линтиг, уехавшей в 1919 году из Оуквью, или, если она мертва, имена и места жительства ее законных наследников. Для меня это звучит так, что вы один из этих самых наследников, а это согласуется с некоторыми другими вещами.

– С какими еще вещами? – спросил я.

Он обернулся, поискал глазами плевательницу и выплюнул в нее желтую табачную струю. Потом сказал:

– Я спросил первым.

– Первый вопрос, о котором вы совсем забыли, это стоимость объявления.

– Пять баксов за три строчки.

Я дал ему пять долларов из денег Берты Кул и попросил квитанцию.

– Подождите, – сказал он и ушел за перегородку.

Через минуту вышла кареглазая девушка.

– Вы хотели получить квитанцию, мистер Лэм?

– Да, хотел и теперь хочу.

Она немного поколебалась, держа ручку над квитанцией, а потом посмотрела на меня:

– Как вам понравился «Грот»?

– Дрянь, – сказал я. – А где у вас можно хорошо поужинать?

– В кафе при гостинице, если вы знаете, что заказывать.

– А откуда вы знаете, что заказывать?

– Вы, должно быть, сыщик? – Я пропустил это мимо ушей, а когда она заметила, что я не отреагировал, то добавила: – Вы пользуетесь дедукцией и действуете методом исключения. Поэтому вам нужен дипломированный гид.

– А у вас есть диплом? – спросил я.

Девушка оглянулась на перегородку.

– Вы на редкость догадливы, – сказала она.

– А вы, случайно, не состоите членом коммерческой палаты?

– Я – нет, а газета состоит.

– Я приезжий. Думаю открыть у вас филиал своей фирмы. Для меня очень важно составить правильное впечатление о вашем городе.

Человек за перегородкой кашлянул.

– Что делают местные жители для того, чтобы хорошо питаться?

– Это очень просто. Они женятся.

– И живут после этого долго и счастливо?

– Да.

– А вы замужем? – спросил я.

– Нет, я хожу в кафе при гостинице.

– И знаете, что там заказывать?

– Да.

– Как насчет того, чтобы поужинать с прекрасным чужеземцем и показать ему, как в этом городе делают заказы?

– Вы не совсем чужеземец, – засмеялась она.

– Да, и не совсем прекрасный. Но мы можем поужинать и поболтать.

– О чем будем болтать?

– О девушке, которая работает в редакции газеты и может немножко подзаработать.

– Сколько это немножко? – спросила девушка.

– Не знаю, – честно признался я. – Мне это еще нужно уточнить.

– И мне тоже.

– Так как насчет ужина?

Она еще раз быстро оглянулась через плечо:

– Надо подумать.

Я подождал, пока ее ручка порхала над бланками квитанций.

– Я буду на работе послезавтра. Газета сейчас выходит раз в неделю.

– Я знаю, – кивнул я. – Позвонить вам сюда?

– Нет-нет. Сегодня около шести часов я приду в холл гостиницы. У вас есть знакомые в городе?

– Нет.

Мне показалось, что девушка вздохнула с облегчением.

– Другие газеты в городе есть?

– Нет, теперь нет. В восемнадцатом году была еще одна газета, но в двадцать третьем ее закрыли.

– Как насчет проторенной дорожки? – спросил я.

– Вы уже на ней, – улыбнулась девушка.

Человек за перегородкой снова кашлянул – на этот раз, как мне показалось, предостерегающе.

– Я хотел бы посмотреть подшивки за семнадцатый, восемнадцатый и девятнадцатый годы.

Она принесла газеты, и я провел остаток дня, выбирая из колонки светской хроники имена людей, которые бывали на тех же вечеринках и собраниях, что и мистер и миссис Линтиг. Чтобы понять, в каких кругах вращались Линтиги, я выписал все фамилии, которые повторялись достаточно часто.

Девушка за конторкой то сидела на стуле, поглядывая на меня, то уходила за перегородку, и оттуда доносился стук пишущей машинки. Мужского голоса я больше не слышал, но, помня о предостерегающем кашле, больше не пытался заговорить с девушкой. На квитанции я прочел ее имя – Мариан Дантон.

Часам к пяти я вернулся в гостиницу, принял душ и вышел в холл. Девушка появилась около шести часов.

– Коктейль-бар здесь приличный? – спросил я.

– Очень хороший.

– Как вы считаете, коктейли улучшат нам аппетит перед ужином?

– Думаю, да.

Мы взяли два «Мартини», потом я предложил повторить.

– Вы что, хотите спить меня? – спросила Мариан.

– Двумя коктейлями?

– Я знаю по опыту, что это только начало.

– А зачем мне вас спаивать?

– Не знаю, – засмеялась она. – Так как может девушка, работающая в редакции газеты в Оуквью, заработать еще немного денег?

– Пока точно не знаю, – ответил я. – Все зависит от проторенной дорожки.

– Как именно зависит?

– Важно, как далеко проложена дорожка и кто ее проложил.

– О! – сказала девушка.

Я показал бармену на пустые бокалы, и он начал смешивать второй коктейль.

– Я слушаю.

– Это превосходный жест, – сказала девушка. – Постараюсь его запомнить.

– Вы когда-нибудь зарабатывали на поисках информации? – спросил я.

– Нет, – ответила Мариан. И, немного помолчав, спросила: – А вы?

– Случалось.

– И вы думаете, что у меня получится?

– Нет. По-моему, вы больше заработаете в газете. Как это случилось, что вы – единственная красивая девушка в этом городе?

– Спасибо. А вы в этом разбираетесь?

– Просто у меня есть глаза.

– Да, это я уже заметила.

Бармен наполнил бокалы.

– Одна моя знакомая работает в картинной галерее. Она рассказывала, что приезжие моряки всегда спрашивают, почему она единственная красивая девушка в Оуквью. Похоже, у городских это единственный способ знакомиться.

– Я над этим не задумывался, – сказал я. – Просто я не встречал здесь других красивых девушек.

– Почему бы вам не поискать еще?

– Попробую, – ответил я. – В девятнадцатом году в вашем городке процветал специалист по ухо-горло-носу. А сейчас, похоже, он бы здесь разорился.

– Вы правы.

– А что случилось?

– Много всякого, – ответила девушка. – Мы никогда не рассказываем обо всем сразу. Для приезжих это звучит слишком мрачно.

– Вы можете рассказать мне первую серию.

– Что же, слушайте. Когда-то здесь были железнодорожные мастерские, – начала Мариан. – Но потом правление дороги решило перенести их, и в двадцать первом году начался кризис.

– Какова политическая ориентация «Блейд»?

– Наш редактор ориентируется на местные власти. Вы, наверное, заметили, что мы почти не пишем о политике. Давайте лучше допьем коктейли и переберемся в кафе, пока местные таланты еще не съели все самое вкусное.

В кафе я взял в руки меню и спросил Мариан:

– Что будем есть?

– Так, – деловито начала девушка. – Вы не хотите рубленую солонину. Я не беру цыплячьи ножки, потому что цыплят они получили в среду. Есть пирог с телятиной, но это остатки с четверга. Ростбиф сравнительно безопасен. И они отлично готовят печеную картошку.

– Печеная картошка, хорошо сдобренная маслом, прекрасно заменит все остальное. Как это получилось, что вы пошли со мной ужинать?

Ее глаза округлились.

– Но вы же меня пригласили!

– Как это я догадался вас пригласить?

– А как вы думаете?

– Наверное, потому, что вы об этом заговорили.

– Я заговорила?

– Не прямо. Вы заговорили об этом после того, как человек, который хотел у меня что-то выпытать, шепнул вам за перегородкой, что вам стоило бы со мной поужинать.

Ее глаза стали еще больше, и она сказала:

– Ох, бабушка, какие у тебя большие уши!

– Он хочет, чтобы вы у меня что-то выпытали. И мне он намекнул, что расскажет все, что меня интересует, в обмен на мою информацию.

– В самом деле?

– Вы это знаете не хуже меня.

– К сожалению, я не умею читать мысли.

Подошла официантка и приняла наш заказ. Я заметил, что Мариан осматривает зал.

– Волнуетесь? – спросил я.

– О чем?

– Что Чарли увидит, как вы ужинаете со мной, прежде чем вы успеете предупредить его, что это только деловое задание, которое дал вам босс.

– Какой еще Чарли?

– Жених.

– Чей жених?

– Ваш.

– Не знаю я никакого Чарли.

– Конечно. Но я и не рассчитываю, что вы мне о нем расскажете, поэтому будем называть его Чарли. Это сэкономит время и упростит разговор.

– Понятно, – сказала она. – Нет, Чарли меня не беспокоит, он очень великодушный и терпимый парень.

– Значит, стрельбы не будет?

– Нет, Чарли уже почти полгода ни в кого не стрелял. А в последний раз он всего лишь ранил обидчика в плечо. Тот и шести недель не пролежал в больнице.

– Поразительная сдержанность! А я побаивался, что Чарли – парень горячий.

– О, нет! Он очень спокойный и любит животных.

– Чем он занимается? – спросил я. – Я имею в виду, где работает.

– Он работает здесь.

– Хоть не в гостинице?

– Нет-нет, я имею в виду, что он работает в городе.

– Ему здесь нравится?

Веселье в глазах девушки погасло.

– Да, – ответила она, втыкая вилку в ростбиф.

– Я рад за него.

Пару минут мы оба молчали.

В кафе было довольно много народу. Я не ожидал, что кафе при гостинице пользуется такой популярностью. Похоже, что здесь собирались в основном завсегдатаи. Некоторые из них проявляли явный интерес к Мариан Дантон и ее спутнику. Было ясно, что девушку здесь хорошо знают. Я задал ей еще несколько вопросов о городе и получил короткие, точные ответы. Мариан больше не пыталась подшучивать надо мной. Настроение у нее явно испортилось. Я пытался понять, не стал ли причиной этого кто-то из тех, кто только что пришел в кафе. Если так, то можно было заподозрить двух пожилых мужчин, всецело поглощенных едой и своей беседой, или небольшую семью, по виду автотуристов, – пожилого мужчину с лысой головой и выцветшими серыми глазами, с которым сидели коренастая женщина, девочка лет девяти и мальчик лет семи.

После десерта я предложил Мариан сигарету. Мы закурили, и я протянул ей список имен, которые выписал из газеты.

– Кто из этих людей живет сейчас в Оуквью?

Она несколько минут рассматривала список, а потом неохотно сказала:

– А вы действительно хорошо соображаете.

Я молча смотрел на нее, ожидая ответа.

Помолчав, Мариан сказала:

– Здесь пятнадцать имен. Из них в городе остались только четверо или пятеро.

– А куда девались остальные?

– Они переехали вслед за железнодорожными мастерскими. Когда здесь жил доктор Линтиг, эти люди входили в компанию «золотой молодежи». Я знала кое-кого из них. Когда дела пошли плохо, почти все разъехались. А в 1929 году у нас был еще один кризис, когда закрылась консервная фабрика.

– Вы знакомы с теми, кто остался в городе?

– Да.

– Как мне их найти?

– Отыщите имена в телефонной книге.

– А вы не можете их назвать?

– Могу. Но будет лучше, если вы получите информацию из телефонной книги.

– Понятно. – Я сложил список и сунул в карман.

Начался довольно нудный фильм, который я к тому же видел раньше. Я предложил уйти, и Мариан согласилась. По тому, как охотно она встала, я понял, что она тоже видела эту картину. Мы заказали мороженое, а потом я снова достал список.

– Может, вы все-таки покажете мне, кто из этих людей остался в городе? Просто чтобы меньше трепать телефонную книгу.

Она немного подумала, потом взяла список и подчеркнула четыре фамилии.

– Это остроумный способ розыска, – сказала она. – Но я не думаю, что он вам поможет. Вряд ли кто-нибудь в городе знает, где она находится.

– Почему вы так думаете?

– Вы же знаете, что ее не нашли, даже когда это дело было в центре внимания.

– Но это было еще до кризиса, – ответил я. – С тех пор многие вещи привлекали внимание.

Она, казалось, хотела еще что-то сказать, но промолчала.

– Сделайте одолжение, – попросил я. – Подскажите.

– Вы же мне не подсказываете.

– Если я найду миссис Линтиг, это может оказаться очень выгодно для нее. Возможно, она получит в наследство большое состояние.

– А потом еще выиграет на скачках, – рассмеялась Мариан.

Я ухмыльнулся.

– Вы можете мне объяснить, почему такая суeta вокруг миссис Линтиг?

– Не знаю, – ответил я с самым равнодушным видом.

– Вы работаете на кого-то или на себя самого?

– Ну, если я смогу ее найти, то за это мне кое-что перепадет.

– А как насчет меня, – спросила Мариан, – если я ее найду?

– Если вы знаете, где она, и согласитесь поделиться информацией, то внакладе не останетесь.

– Сколько?

– Я не могу этого знать, пока не задам вам несколько вопросов. Вы знаете, где она?

– Нет, хотя хотелось бы знать. Из этого получился бы хороший материал. Вы же знаете, я собираю новости для «Блейд».

– И вам бы подняли зарплату?

– Нет, – ответила она.

– Я могу свести вас с человеком, который готов заплатить за эту информацию больше, чем ваша редакция.

– Газета ничего бы не заплатила, – заметила Мариан.

– Тогда, я уверен, мы назначили бы самую высокую цену.

– Сколько?

– Не знаю. Это надо будет выяснить. А что вы скажете насчет других?

– О ком это вы?

Я сделал вид, что удивлен.

– Ну, о тех, кто искал ее до меня.

– Наверное, зря я тогда намекнула вам насчет проторенной дорожки, – задумчиво проговорила девушка.

– Да, – ответил я. – Человеку, который сидел в редакции за перегородкой, этот намек не понравился.

Мариан перевела взгляд на большой стеклянный бокал с мороженым, в котором в былые времена наверняка подавали пиво.

– Сколько вы прожили в большом городе? – спросила она, медленно поворачивая пальцами стеклянную ножку бокала.

– всю жизнь, – ответил я.

– И как, нравится?

– Не очень.

– А я думала, что вы в восторге от городской жизни.

– Почему?

– Быть всегда в гуще событий вместо маленького лягушачьего пруда, где вы всех знаете и каждый знает вас. А в городе у вас действительно настоящая жизнь. Вокруг тысячи и тысячи людей, неограниченные возможности заводить новых друзей и знакомых. Витрины магазинов, вечерние шоу, настоящие салоны красоты – и рестораны.

– Там есть еще уйма мошенников, – добавил я, – светофоры на каждом углу, суэта и шум, а что до друзей – ну, если хотите почувствовать настоящее одиночество, попробуйте пожить в большом городе. Все друг другу чужие, и, если вы не заведете нужных знакомств, они так и останутся для вас чужими.

– Лучше уж так, – убежденно сказала она, – чем видеть изо дня в день одни и те же лица, жить в городке, который гниет заживо, где соседи знают о ваших делах больше, чем вы сами.

– А о ваших делах люди тоже знают больше, чем вы сами?

– Во всяком случае, им так кажется.

– Веселей! – сказал я. – У вас ведь есть Чарли.

– Чарли? – переспросила Мариан. – Ах да, понимаю.

– Если вы уедете в большой город, вам придется расстаться с Чарли. Не забывайте, что ему здесь нравится.

– Вы меня дурачите или серьезно пытаетесь доказать, что здесь лучше?

– Просто задаю вопросы. Как насчет того, чтобы поделиться со мной кое-какой информацией?

Она краем ложечки разломала остаток мороженого на мелкие части, а потом перемешала их, пока на дне бокала не осталось ничего, кроме жидкости.

– Давайте посмотрим, правильно ли я вас поняла, Дональд, – снова заговорила Мариан. – Вы на кого-то работаете и пытаетесь получить информацию. Если я сообщу вам что-нибудь стоящее, вы за это не заплатите – во всяком случае, пока не поговорите с кем-то.

– Верно, – сказал я.

– Тогда зачем я стану вам о чем-то рассказывать?

– Просто ради дружбы и сотрудничества.

– Послушайте. Мне не нужны деньги. Вернее, я не знаю ничего, за что стоило бы платить, но постараюсь вам помочь. Если я это сделаю, вы сможете мне найти работу в городе?

– Откровенно говоря, я не знаю, где можно устроиться. Я мог бы познакомить вас с человеком, который поможет вам.

– Если я помогу вам сейчас, вы... вы сможете мне, когда я приеду в город?

– Конечно, если смогу.

Она задумчиво помешивала ложкой остаток мороженого. Потом сказала:

– Вы просто играете со мной. Это ваша работа. Вы приехали сюда для розыска. Вы считаете, что у меня есть какая-то информация, и пытаетесь ее получить, не объясняя, зачем это вам нужно. Так?

– Правильно, – сказал я.

– Ну хорошо, – продолжала Мариан. – Тогда я буду играть с вами в ту же игру. Если я смогу у вас что-то выпытать, я это использую.

– Что ж, это справедливо.

– Только не говорите потом, что я вас не предупреждала.

– Конечно, не буду. Вы же только что предупредили меня.

– Что вы хотите узнать? – спросила она.

– Вам известно, где сейчас миссис Линтиг?

– Нет.

– В архиве вашей газеты есть ее фотографии?

– Нет.

– Вы их уже искали?

Мариан медленно кивнула. Казалось, ее больше всего сейчас интересуют остатки мороженого на дне бокала.

– Когда?

– Месяца два назад.

– Кто разыскивал ее в тот раз?

– Человек по фамилии Кросс.

– Вы, наверное, не помните его инициалов?

– Он останавливался в гостинице, так что вы их без труда узнаете.

– А что ему было нужно?

– То же, что и вам.

– Как он выглядел?

– Лет сорока, коренастый, почти совсем лысый и большой любитель сигар. Дымил все время, пока сидел у нас в редакции.

– Кто следующий?

– Молодая женщина.

– Молодая женщина?

Она кивнула.

– Кто такая?

– Она назвалась Эвелин Делл. Вам не кажется, что это звучит как фальшивка?

– Многие имена звучат фальшиво.

– Но это особенно похоже на подделку.

– Наверное, потому, что у нее и вид был фальшивый? – предположил я.

Она немного задумалась:

– Вы правы. В ней было что-то ненастоящее, не могу сказать что, но какая-то неестественность.

– Как она выглядела?

– Я думаю, вы попали в точку. Выглядела она фальшиво. Она старалась казаться шумливой и немного распутной. Но была она совсем другой. Она была тихой и очень незаметной, словно все время ходила на цыпочках. У нее была пышная фигура, и одевалась она по моде, и, уж поверьте мне, ее одежда всегда подчеркивала фигуру. Но она была чуть-чуть чересчур хорошенькая, чересчур сладкоречивая, чересчур девственная.

– А она не производила впечатление непорочной?

– Нет. Но вам следовало бы с большим почтением говорить об Эвелин Делл. Я думаю, что она родственница миссис Линтиг.

– Она так сказала?

– У меня создалось впечатление, что она ее дочь от первого брака.

– Какого же тогда возраста должна быть миссис Линтиг?

– Не такая уж старая, около пятидесяти. По-моему, Эвелин Делл была еще совсем ребенком – тайным ребенком, когда ее мать вышла за доктора Линтига.

– Значит, сейчас ей должно быть двадцать восемь или около того.

– Да, примерно. У нас никто не знал, что у миссис Линтиг была дочь.

– Здесь она останавливалась в гостинице?

– Да.

– Сколько пробыла?

– Кажется, неделю.

– А чем она здесь занималась?

– Пыталась найти хорошую фотографию миссис Линтиг. Я знаю по крайней мере четыре, которые она купила, – старые снимки из семейных альбомов. Она их все куда-то отправила. В гостинице мне рассказывали, как она отправляла несколько фотографий и очень беспокоилась, чтобы их уложили в гофрированный картон.

– А адрес вам в гостинице сказали?

– Нет. Она отправляла их из почтового отделения, но картон для упаковки доставала здесь. Служащие гостиницы видели, что там были фотографии.

– Что-нибудь еще? – спросил я.

– Это все.

– Спасибо, Мариан. Не знаю, насколько это мне пригодится, но надеюсь, что польза будет. Если все будет нормально, я заплачу вам за это. Немного, но заплачу. Люди, на которых я работаю, не слишком щедры.

– Не беспокойтесь. Давайте лучше поиграем в другую игру.

– В какую?

– Вы выпытали у меня все, что смогли. А теперь я попробую от вас чего-нибудь добиться. В какой-то степени я вам помогла. Если я приеду в город и стану искать работу, вы мне поможете?

– У меня небольшие возможности.

– Я понимаю. Вы сделаете, что сможете?

– Да.

– Вы долго собираетесь здесь пробыть?

– Не знаю. По обстоятельствам.

– У меня могут быть новости. Где вас можно будет найти, если понадобится?

Я достал карточку, на которой было напечатано только мое имя, и написал адрес и номер комнаты, где находился офис Берты Кул; если письмо придет по этому адресу, его сразу передадут мне.

Мариан с минуту разглядывала карточку, потом спрятала ее в сумочку и улыбнулась. Я подал ей пальто и отвез ее домой. Мариан жила в двухэтажном каркасном доме, который давно пора было покрасить. Перед дверью не было таблички, какие обычно висят на доме, где сдают меблированные комнаты, и я подумал, что она снимает комнату у какой-то семьи. Я не слишком задумывался над этим, так как не сомневался, что в любой момент смогу узнать о ней все, что захочу. Как Мариан признала, люди в городе больше знают о ее делах, чем она сама.

Судя по тому, как девушка держалась, она надеялась, что я не стану пробовать поцеловать ее на прощание, и я не стал этого делать.

Когда я вернулся в гостиницу, была уже почти полночь. Сигара, которую я предложил ночному дежурному, сразу сделала его более покладистым. Вскоре я уже держал в руках книгу регистрации и еще через пять минут нашел записи о Миллере Кроссе и Эвелин Делл. Я подумал, что адреса фальшивые, но на всякий случай незаметно переписал их, пока дежурный возился с коммутатором.

Когда он вернулся к столу, мы немного поболтали, и он сказал между прочим, что мисс Делл приехала поездом, что ее чемодан был в пути поврежден и что она взяла об этом письменные показания у носильщика и у портье гостиницы. Он не знал, возместили ли ей убытки.

Узнав, что можно отправить телеграмму из телефонной будки, я передал Берте Кул следующее:

«Медленно двигаюсь вперед. Узнайте все об иске против Южной Тихоокеанской железнодорожной компании, о возмещении убытка за поврежденный багаж. Иск был подан в Оуквью недели три назад, возможно, от имени Эвелин Делл. Могу ли я заплатить двадцать пять баксов лицу, дающему полезную информацию?»

Я повесил трубку и поднялся в номер. Попытался отпереть замок, но ключ не поворачивался. Пока я пробовал его вытащить, замок щелкнул и дверь открылась. Высокий человек, фигура которого смутно виднелась на фоне окна, пригласил меня:

– Входите, Лэм.

Он включил свет, а я продолжал стоять на пороге и смотреть на него.

Человек был около шести футов ростом и весил фунтов двести. Он был широк в плечах, и рука, которой он молниеносно схватил меня за галстук, была, как я сразу почувствовал, здоровенной грубой лапой.

– Я же сказал: «Входите», – сказал он и дернул за галстук.

Я влетел в комнату. Он быстро повернулся вправо, так что я пролетел над ковром и рухнул на кровать.

Человек захлопнул дверь и проворчал:

– Так-то лучше!

Он стоял между мной и дверью, между мной и телефоном. Я видел, как дежурный обращается с коммутатором, и понимал – для того чтобы куда-то позвонить, потребуется не меньше тридцати секунд. Трудно было рассчитывать, что этот тип будет стоять и смотреть, как я вызываю полицию.

Я поправил галстук, выровнял уголки воротника и спросил:

– Что вам угодно?

– Так-то лучше, – повторил он и сел на стул, по-прежнему оставаясь между мной и дверью.

Незнакомец усмехался, и его ухмылка мне не понравилась. Мне все в нем не нравилось. Он был здоровенным и самоуверенным и держался так, словно был хозяином этой гостиницы и всего городка.

– Что вам нужно? – повторил я.

– Я хочу, чтобы ты убрался отсюда.

– Почему?

– Здесь вредный климат для таких козявок, как ты.

– Но я пока этого не почувствовал.

– Еще нет, но скоро почувствуешь. Знаешь, что такое малярийные комары? Они искусают тебя, и ты сразу почувствуешь себя больным.

– Куда мне перейти, – спросил я, – чтобы избежать этих укусов?

Его лицо помрачнело.

– Ты должен убраться отсюда, мелюзга, – сказал он.

Я выудил из кармана сигарету и закурил. Он наблюдал, как я закуриваю, и расхохотался, заметив, что моя рука дрожит.

Я бросил спичку, затянулся и сказал:

– Продолжай. Твой ход.

– Я все сказал, – ответил он. – Вот твой чемодан. Собери вещи, и я провожу тебя к машине.

– А если я не хочу, чтобы меня провожали?

Он ответил дружелюбно, но многозначительно:

– Если ты уедешь сразу, то сможешь выбраться отсюда самостоятельно.

– А если я промедлю?

– Тогда может произойти несчастный случай.

– Со мной не бывает несчастных случаев. Все мои друзья об этом знают.

– Ты можешь ходить во сне и нечаянно выпасть из окна. Твоих друзей пустят по ложному следу, и они никогда ничего не узнают.

– Я могу заорать, – предположил я. – Меня кто-нибудь услышит.

– Наверняка услышат.

– И вызовут полицию.

– Правильно.

– А что тогда?

– Тогда здесь не окажется ни меня, ни тебя.

– Что ж, попробую, – ответил я и истошно заорал: – Помогите! Поли...

Он, как кошка, вскочил с кресла. Я увидел, что он угрожающе навис надо мной, и изо всей силы ударил его в живот.

Никакого эффекта.

В следующее мгновение я получил сокрушительный удар в подбородок, и все исчезло. Очнувшись, я увидел, что сижу в драндулете агентства, который катится вдоль тротуара. Голова моя раскалывалась на части, а нижняя челюсть так болела, что трудно было даже открыть рот. Мой противник сидел за рулем. Увидев, что я очнулся, он повернул голову.

– Господи, что за развалина! Неужели ваше проклятое агентство не в состоянии обеспечить приличный транспорт? – как ни в чем не бывало заговорил он.

Я высунул голову в окно, чтобы холодный воздух прочистил мне мозги. Здоровяк огромной ножицей придавил педаль акселератора, и автомобиль Берты Кул, словно протестуя, заходил по дороге из стороны в сторону.

Мы ехали по горной дороге, извивающейся вверх по каньону. Потом начался ровный участок. По обе стороны дороги на фоне звездного неба виднелись силуэты огромных сосен. Незнакомец ехал медленно. Видно было, что он высматривает поворот на боковую дорогу.

Я решил использовать этот шанс. Быстро привстав с сиденья, я обеими руками схватился за руль и крутанул его изо всех сил. У меня снова ничего не вышло, хотя машина съехала на одну сторону дороги, а потом на другую, когда он сильнее вцепился в руль, чтобы преодолеть мое сопротивление. Не отрывая руку от руля, незнакомец поднял вверх локоть, который словно врезался в мою несчастную челюсть. Это заставило меня отпустить руль. Потом словно кузнечный молот обрушился на мою шею. Когда я открыл глаза, вокруг была полная темнота. Я неподвижно лежал на спине и пытался сообразить, где нахожусь.

Вскоре я начал улавливать какую-то смутную связь между моим нынешним положением и бурными событиями прошедшего дня и сунул руку в карман за спичками.

При свете спички я обнаружил, что лежу в деревянной лачуге на подстилке из сухой хвои. Преодолевая боль, я сел на своем ложе, сколоченном из крепких сосновых досок, и чиркнул еще одну спичку. Найдя свечу, я зажег ее и посмотрел на часы. Было пятнадцать минут четвертого.

В лачуге явно никто не жил. Здесь было грязно и пахло затхлостью. Все окна были заколочены. Вокруг шныряли крысы, таская из буфета черствые хлебные корки. Большой

паук враждебно наблюдал за мной из ближнего угла. Сухие сосновые иглы застряли у меня в волосах и, когда я встал, посыпались за шиворот.

Я чувствовал себя так, словно по мне проехал паровой каток.

В лачуге никого не было. Я посмотрел на заколоченные окна и на всякий случай дернул дверь, не сомневаясь, что она заперта. Дверь распахнулась. Мне в ноздри ударил холодный горный воздух, пропитанный запахом сосен.

Прямо перед дверью что-то темнело. Я поднял свечу и увидел, что это машина агентства.

У самой хижины журчал горный ручей. Походив немного, я нашел спускающуюся к воде тропинку и вышел на берег. Намочив носовой платок в холодной как лед воде, приложил его ко лбу, глазам, а потом к шее. Порыв ветра задул свечу. Я немного посидел в темноте, чувствуя целительное действие ледяной воды.

Через несколько минут я сунул в карман замерзшие мокрые пальцы и достал спички. Со второй попытки мне удалось зажечь свечу, и я вернулся к хижине, не имея ни малейшего представления, где нахожусь.

Я задул свечу, закрыл дверь хижины и сел в машину. Ключ был на месте. Я завел мотор. Указатель бензина показывал полбака. Фары осветили уходящую от хижины ухабистую горную дорогу. Через четверть мили я выехал на асфальтированную трассу. Я по-прежнему не имел представления, куда ехать, и свернул направо просто потому, что эта дорога вела вниз.

Глава 2

Берта Кул расправилась с накопившейся к понедельнику почтой, не спеша закурила и сказала, глядя на меня через стол:

– Боже мой, Дональд! Ты снова подрался?

Я сел в кресло для посетителей:

– Это была не драка.

– А что же произошло?

– Меня выпроводили из города.

– Кто?

– Он действовал как человек из местной полиции, но тактика у него чересчур хитрая для Оуквью. Я не думаю, что он местный. Кто-то еще должен был ехать за нами на второй машине, или он сам заранее оставил там вторую машину. Он оставил мне драндулет агентства и даже заправил его бензином.

– А с чего ты взял, что он коп?

– Он выглядел, говорил и действовал, как коп.

Берта лучезарно улыбнулась мне:

– Да, Дональд, тебе здорово досталось. А потом ты вернулся в Оуквью?

– Нет, я не вернулся.

– Почему? – Тон Берты сразу изменился.

– Климат, – ответил я. – Там у них малярия. Много комаров.

– Чушь!

– К тому же я думаю, что мы больше узнаем здесь, чем в Оуквью.

– Это как же?

– До меня там уже побывали два человека. Они искали то же, что и я. Похоже, что они забрали все, что можно.

– Тогда зачем им нужно было, чтобы ты убрался из города?

– Чем-то я им досадил.

Берта Кул внимательно посмотрела на меня сквозь голубой сигаретный дым.

– Все это чертовски забавно, Дональд.

– Я рад, что вы так думаете.

– Ну, не грусти, мой милый. Ты же знаешь, такая у нас работа. Зато теперь ты получил небольшое преимущество. Они будут думать, что с тобой легко справиться. Что это был за парень?

– Не знаю. Он сидел в моем номере, когда я вернулся. Как раз после того, как я отправил вам телеграмму. Я хотел было вернуться в Оуквью, а потом сообразил, что есть возможность добиться лучших результатов здесь.

– Что ты имеешь в виду?

Я вынул записную книжку и коротко рассказал ей все, что смог выяснить.

– Черта с два мы так доберемся до миссис Линтиг, – сказала Берта Кул. – Она не плыла по каналу ни в 1919-м, ни в начале 1920 года. По крайней мере, под своим именем. А если она взяла билет на чужое имя, то нам все равно ничего не светит. Это слишком давняя история, чтобы выследить человека по описанию внешности, и мы не можем каждый раз выкладывать за информацию по двадцать баксов. Клиенты платят нам за получение информации. А мы тратим деньги на жалованье, текущие расходы, и должен еще остаться доход. Больше не отправляй телеграмм с такими вопросами.

– Это было ночное письмо, – сказал я. – Я уложился в пятьдесят слов, так что вам не придется переплачивать.

– Знаю, – проворчала Берта. – Я посчитала слова. Но больше этого не делай. Кто дал тебе информацию?

– Одна девушка. Сейчас я уже не так в ней уверен. Не исключено, что парень, который вывез меня из города, и есть Чарли.

– Какой Чарли?

– Я не знаю. Это просто кличка. А что вы узнали о багаже?

– Эвелин Делл Харрис подала иск о возмещении ущерба в семьдесят пять долларов за повреждение чемодана и одежды.

– И чем кончилось дело?

– Оно еще рассматривается. Железнодорожная компания утверждает, что чемодан был старым и потрепанным. Они считают размер иска завышенным.

– У вас есть адрес Эвелин Делл? – спросил я.

– Эвелин Харрис, – поправила Берта.

– Это все равно. Но она пробыла там около недели.

– Да, адрес есть. Сейчас посмотрю. Где же он? Черт побери, я никогда ничего не могу найти!

Она сняла трубку и сказала Элси Бранд:

– Найди мне адрес Эвелин Харрис. Я тебе давала его... А я говорю, что... Ах да... В правом ящике моего стола, да? Спасибо.

Берта Кул выдвинула ящик, порылась среди бумаг и протянула мне листок. Я переписал адрес в записную книжку.

– Хочешь с ней поговорить? – спросила Берта.

– Да. И еще одна идея. Возможно, был сделан запрос в Медицинское бюро штата о переводе лицензии доктора Джеймса К. Линтига на какое-то другое имя.

– Почему ты так думаешь?

– Линтиг был специалистом по глазным болезням и отоларингологом. Он смылся, и вместе с ним его медсестра. А теперь прикиньте, станет ли человек в таких обстоятельствах отказываться от права работать по специальности.

– А почему ты решил, что он заведет практику в этом штате?

– Потому что он не может переехать в другой штат, не отчитавшись за то время, которое провел в этом штате. А оттуда наверняка сделают запрос. Видимо, он получил разрешение суда изменить фамилию, послал копию этого разрешения в Медицинское бюро штата и без всяких проблем получил лицензию на новое имя. Для него это был бы самый простой выход.

Берта Кул посмотрела на меня с явным одобрением.

– Хороший ход, Дональд, – сказала она. – Ты головастый малый.

Немного помолчав, она добавила:

– Правда, клиент просил нас заниматься только миссис Линтиг.

– После того как мы найдем миссис Линтиг, никто не спросит, как мы ее искали. Мне нужно на расходы пятьдесят баксов.

– Конечно, деньги тебе понадобятся. Держи. Но постарайся, чтобы эти были последними. Ты думаешь, он знает, где его жена?

– Доктор Линтиг, – сказал я, – отдал ей все. Похоже, он тайно дал ей согласие на передачу собственности. – Я пересчитал деньги и положил в карман.

– И что из этого следует?

– Если он собирался все ей отдать, то вполне мог бы остаться в Оуквью, где у него была солидная практика. Никакой суд не забрал бы у него больше, чем он сам ей отдал. Он *хотел* уехать. И если действительно существовало тайное решение о передаче собственности, он, конечно, знает, где ее искать.

Берта Кул прищурилась.

– В этом что-то есть, – задумчиво проговорила она.

– Вы знаете номер телефона Смита?

– Да.

– Ну, так позвоните ему и... – Я осекся, и Берта Кул спросила:

– В чем дело, Дональд?

– Давайте не сообщать Смиуту о том, что сейчас предпримем. Будем искать миссис Линтиг, как сочтем нужным. Я могу зайти к Эвелин Харрис как представитель железнодорожной компании для улаживания ее жалобы. Заплачу ей семьдесят пять долларов за поврежденный чемодан и возьму расписку. А потом вернусь и начну возмущаться, что она дала расписку на вымышленное имя. Это хорошая возможность прощупать ее.

– Господи, Дональд. – Глаза Берты Кул широко раскрылись. – Ты думаешь, наше агентство настолько богато? Мы должны тратиться на улаживание претензий к железнодорожной компании?

– Вы можете списать эти деньги как накладные расходы, – ответил я.

– Не будь ребенком, Дональд. Будет еще много других расходов. Чем больше мы заплатим другим, тем меньше останется Берте.

– Если мы пойдем по давно остывшему следу, это обойдется подороже, чем семьдесят пять долларов.

– Это отпадает, – покачала головой Берта Кул. – Придумай что-нибудь другое.

– Ладно, я попробую. – Я взял свою шляпу.

Когда я уже взялся за дверную ручку, Берта снова окликнула меня.

– И берись за работу, Дональд. Не жди, пока появятся новые идеи.

– Я уже кое-что начал. Поместил объявление в газете «Блейд» с просьбой дать информацию о миссис Джеймс Линтиг или о ее наследниках, из которого можно заключить, что кто-то умер и оставил ей наследство.

– Сколько это стоило? – спросила Берта.

– Пять долларов.

Берта посмотрела на меня из-за поднимающейся спиралью струйки сигаретного дыма:

– Это чертовски много.

Я открыл дверь, небрежно бросив:

– Наверное, оно того стоило, – и закрыл за собой дверь прежде, чем она успела ответить.

На машине агентства я подъехал к дому Эвелин Харрис. Передо мной стоял обшарпанный трехэтажный многоквартирный дом. Рядом с почтовыми ящиками висел список жильцов и находились кнопки вызова. Эвелин Харрис была в 309-й квартире, и я нажал кнопку. Только после третьего звонка раздался сигнал зуммера и щелкнул замок. Я толкнул дверь и вошел в дом.

В мрачном темном коридоре стоял отвратительный запах. Слева на двери я разглядел надпись: «Управляющий». Посредине коридора тусклая электрическая лампочка освещала дверь лифта. Я поднялся на третий этаж и нашел квартиру 309.

Эвелин Харрис стояла в дверях, глядя в полумрак коридора опухшими со сна глазами. Она не выглядела ни робкой, ни невинной.

– Что вам нужно? – спросила она скрипучим голосом.

– Я представитель железнодорожной компании. Пришел уладить вопрос о вашем чемодане.

– О господи! – проскрипела она. – Зачем было приходить в такую рань? Неужели не понятно, что девушке, которая работает ночами, тоже нужно когда-то поспать.

– Извините, – сказал я, ожидая, что Эвелин пригласит меня войти.

Она продолжала стоять в дверях. Через ее плечо я увидел в комнате раскладушку, на которой лежала подушка в мягкой наволочке и такое же мягкое покрывало.

– Мне нужен от вас только чек. – Она смотрела на меня враждебно и недоверчиво, и на лице ее была написана жадность.

Эвелин была блондинкой, и, кажется, натуральной – я не видел и намека на темную линию у корней волос. На ней была мягкая оранжевая пижама, поверх которой она набросила халат, небрежно придерживая его на груди левой рукой. Судя по коже на руке, ей было уже лет сто. Глядя на ухоженное лицо, ей можно было дать двадцать два. Оценить фигуру было трудно, но, судя по позе, она была молодая и гибкая.

– Ну ладно, – сказала наконец Эвелин, – проходите.

Я вошел в комнату. Она поправила одеяло и уселась на край раскладушки.

– Стул возьмите вон там, в углу. Приходится убирать его, когда ставлю раскладушку. Что вы хотите?

– Я хотел бы уточнить некоторые подробности по вашей жалобе.

– Я уже рассказала вам все подробности, – раздраженно ответила она. – Я должна была запросить две сотни долларов. Потом вы оценили мой реальный ущерб в семьдесят пять долларов. Если вы опять хотите меня надуть, не тратьте зря свое и мое время. И никогда не звоните мне раньше трех часов дня.

– Извините, – сказал я.

На полочке у изголовья лежала пачка сигарет и пепельница. Эвелин достала сигарету и закурила.

– Продолжайте. – Она глубоко затянулась.

Я достал свои сигареты и тоже закурил.

– Я думаю, что управление удовлетворит вашу жалобу после того, как мы с вами уточним пару вопросов.

– Это уже лучше, – проворчала она. – Какие у вас вопросы? Чемодан стоит в подвале, если вам нужно на него посмотреть. Один из его углов раздавлен. Отколовшиеся щепки изорвали мои колготки и одно из платьев.

– А у вас сохранились платье и колготки? – спросил я.

– Нет. – Она отвела взгляд.

– Судя по нашим записям, – продолжал я, – вы жили в Оуквью под именем Эвелин Делл.

Она выдернула изо рта сигарету и с негодованием уставилась на меня.

– Ну ты и ищейка! Неудивительно, что тебе глаз подбили! Какое вам дело, под каким я именем там жила? Чемодан-то вы помяли!

– Железнодорожная компания, когда выплачивает такого рода возмещение, должна иметь надежное подтверждение.

– Ладно, я дам вам расписку. Если хотите, могу расписаться: Эвелин Делл. Меня зовут Эвелин Делл Харрис. Я могу подписать и Эвелин Рузвельт, если это поможет.

– Здесь вы живете под фамилией Харрис?

– Ну конечно. Эвелин Делл – это моя девичья фамилия. А Харрис – фамилия мужа.

– Если вы замужем, мужу придется подписаться вместе с вами.

– Еще чего! Я уже три года не видела Билла Харриса.

– Развелись? – спросил я.

– Да, – ответила она после небольшого колебания.

– Видите ли, – объяснил я, – если железнодорожная компания платит возмещение и берет расписку, там обязательно должна быть подпись владельца имущества. А без подписи обязательство считается невыполненным.

– Вы хотите сказать, что мне не принадлежит мой собственный чемодан?

– Начальник отдела жалоб очень пунктуален, миссис Харрис, – начал я. – Он требует...
– Мисс Харрис, – перебила она.

– Хорошо, мисс Харрис. Начальник отдела жалоб всегда придирается к мелочам. Он послал меня выяснить, почему вы поехали в Оуквью под именем Эвелин Делл вместо Эвелин Харрис.

– Передайте ему мои поздравления, – угрюмо сказала она. – И пусть он утонет.

Я вспомнил выражение жадности в ее глазах, когда она стояла в коридоре.

– Ну что же. – Я встал со стула. – Так я ему и передам. Извините, что беспокоил. Я не знал, что вы работаете по ночам.

Я двинулся к двери и уже выходил в коридор, когда сзади снова раздался ее голос:

– Подождите минуту. Вернитесь и сядьте.

Я стряхнул пепел с сигареты в пепельницу и снова сел.

– Вы говорили, что пытаетесь протолкнуть решение о моей компенсации?

– Правильно.

– Но вы же работаете на железнодорожную компанию.

– Мы хотим, чтобы эта жалоба не висела на нашем отделе. Конечно, если мы не сможем разобраться, придется передать ваше дело в юридический отдел – пусть они занимаются с вами.

– Мне не хотелось бы доводить дело до суда.

– Нам тоже.

– Я ездила в Оуквью по делам, – сказала она. – Это мое дело, к вам оно не имеет никакого отношения.

– Нас не интересуют ваши дела. Мы хотим только знать, почему вы использовали чужое имя.

– Оно совсем не чужое. Это мое имя.

– Боюсь, что я не смогу это объяснить начальнику отдела.

– Ладно, – сказала она. – Я поехала туда, чтобы получить сведения кое о ком.

– Вы можете назвать этого человека?

Она раздумывала так долго, что пепел с ее сигареты свалился на пол.

– Один человек послал меня в Оуквью собрать сведения о его жене.

– Мне придется это проверить. Вы можете дать его имя и адрес?

– Могу, но не дам.

Я достал блокнот и неуверенно сказал:

– Пожалуй, я мог бы на этом остановиться, но боюсь, что отдел жалоб таким объяснением не удовлетворится. Из-за этой путаницы с именами они потребуют, чтобы я выяснил все о вашей поездке.

– А вы можете помочь покончить с этим делом? Когда я смогу получить чек?

– Почти сразу.

– Мне нужны деньги, – заявила она.

Я промолчал.

– Информация, за которой я ездила, была очень конфиденциального характера.

– Вы частный детектив? – спросил я.

– Нет.

– А чем вы занимаетесь?

– Я работаю в ночном клубе.

– В каком?

– «Голубая пещера».

– Вы певица? – спросил я.

– Я выступаю с небольшими сценками.

- Объясните мне еще кое-что. Муж и жена не живут вместе?
- Нет.
- Когда они разъехались?
- Очень давно.
- Вы можете назвать имя свидетеля, который мог бы все это подтвердить?
- Какое отношение это имеет к моему чемодану?
- Я думаю, вы выполнили свою задачу в Оуквью и добыли информацию для мужа?
- Да.
- Вот что. Если вы хотите, чтобы вам быстро выплатили компенсацию, дайте мне его имя и адрес. Я получу подтверждение и приложу к своему докладу. Это наверняка удовлетворит компанию.
- Но я не могу этого сделать.
- В таком случае мы не сдвинемся с мертвой точки.
- Послушайте, – сказала она. – Это был мой собственный чемодан и моя собственная одежда. Жалоба тоже моя. Никто ничего не должен знать об этом. То есть человек, который меня послал, ничего не должен знать о жалобе.
- Почему?
- Да потому что он вычтет эти деньги из моего жало... из моей компенсации.
- Понимаю, – сказал я, закрыл и спрятал блокнот и завинтил авторучку. – Я подумаю, что можно для вас сделать, – неуверенно сказал я. – Но боюсь, что босс потребует дополнительной информации. У нас здесь полно пробелов.
- Если вы принесете мне чек, с меня причитается бутылка скотча.
- Нет, спасибо, на такое я не могу пойти.
- Я встал и раздавил сигарету в ее пепельнице.
- Она немного подвинулась и сказала:
- Садитесь сюда. Вы симпатичный парень.
- Не возражаю, – ответил я.
- Она усмехнулась:
- Как тебя зовут?
- Лэм.
- Это фамилия. А имя?
- Дональд.
- О'кей, Дональд Лэм. Давай будем друзьями. Я не хочу воевать с твоей проклятой компанией, но мне нужны бабки. Как ты насчет того, чтобы мне помочь?
- Сделаю, что смогу.
- Вот и славно, – сказала она. – Как насчет завтрака? Ты ел что-нибудь?
- Очень давно, – ответил я.
- Если ты голоден, я могу сделать тебе кофе и поджарить тосты.
- Нет, спасибо, у меня еще много работы.
- Слушай, Дональд, сделай для меня эту компенсацию, ладно? Кто тебе набил такой фонарь?
- Меня отлупил один парень.
- Ты можешь так написать отчет, чтобы этот старый придира наконец успокоился?
- Ты говоришь о начальнике отдела жалоб?
- Да.
- А ты его когда-нибудь видела? – спросил я.
- Нет.
- Ему около тридцати пяти лет, у него темные глаза и длинные волнистые черные волосы. Ни одна женщина перед ним не может устоять.

В ее глазах появился интерес.

– Я принаряжусь и пойду к нему поговорить. Надеюсь, он сможет быстренько все решить.

– Это хорошая мысль, – сказал я. – Только не ходи, пока я не отчитаюсь. Может быть, больше ничего и не понадобится. А если его что-нибудь не устроит, я расскажу тебе, в чем загвоздка, и тогда можешь идти выбивать свои деньги.

– Отлично, Дональд. Спасибо.

Мы пожали друг другу руки, и я вышел.

На углу была бакалейная лавка, и я позвонил оттуда Берте Кул. Элси Бранд, не говоря ни слова, соединила меня с Бертой.

– Это Дональд, – начал я.

– Где ты был? – спросила Берта.

– Работал. Похоже, я нащупал след.

– Что-нибудь новое?

– Эта девушка, Эвелин Харрис, работает в ночном клубе. Линтиг посылал ее навести справки о жене.

– Дональд, – сказала она, – что это за дурацкая привычка отправлять телеграммы наложенным платежом?

– Никогда так не отправлял. Я всегда плачу на почте.

– Ну а сегодня пришла одна с доплатой в пятьдесят центов.

– От кого она?

– Откуда я знаю? Я ее отправила обратно. Она адресована не агентству, а лично тебе. Хватит уже считать, что я – Санта-Клаус.

– Когда ее принесли? – спросил я.

– Двадцать минут назад.

– Из какого отделения?

– Центральное отделение «Вестерн юнион».

– Ладно. – Я повесил трубку.

В Центральном отделении за пять минут нашли телеграмму. Я заплатил пятьдесят центов. Телеграмма оказалась из Оуквью:

«Лицо, о котором вы расспрашивали, живет в гостинице под своим именем. Мне за это что-нибудь полагается? *Мариан*».

Я достал из кармана конверт и написал прямо на телеграмме:

«Берта, это она. Я буду в Оуквью в гостинице „Палас“. Лучше сообщите нашему клиенту».

У меня всегда были с собой конверты с марками экспресс-почты и написанным адресом. Я запечатал телеграмму в конверт, бросил его в почтовый ящик, сел в свою колымагу и двинулся на север. По дороге я размышлял о том, что Берте Кул пора бы купить новую машину или хотя бы брать работу поближе к агентству. И еще я думал, какого черта миссис Джеймс К. Линтиг, которая исчезла на двадцать лет и которую искало полстраны, решила вдруг вернуться в Оуквью и зарегистрироваться в гостинице «Палас» под своим настоящим именем. Я ломал голову, не связано ли как-то ее появление с моим объявлением в газете. Если так, то миссис Линтиг живет где-то неподалеку от Оуквью. Отсюда можно было сделать много интересных выводов...

Глава 3

По дороге я на несколько часов остановился поспать в кемпинге и прибыл в Оуквью рано утром. В кафе при гостинице я съел довольно гнусный завтрак и пошел к администратору.

– Доброе утро, мистер Лэм, – сказал дежурный. – Ваши вещи лежат здесь. Мы не знали, собираетесь ли вы выписываться, – ведь вы уехали так неожиданно. Мы уже... гм... беспокоились о вас.

– Не стоило волноваться. Я сейчас оплачу счет.

Когда я протянул деньги, он обратил внимание на мое лицо.

– Попали в аварию? – спросил он.

– Нет. Просто я сонный ходил по паровозному депо, и на меня налетел локомотив.

– О! – ужаснулся клерк, протягивая мне квитанцию и сдачу.

– Миссис Линтиг уже встала? – спросил я.

– Не думаю. Она еще не спускалась.

Я поблагодарил его и пошел по улице к редакции «Блейд».

Мариан Дантон вышла мне навстречу.

– Привет. Как дела? О боже! Что у вас с глазом?

– Я споткнулся. Пытался получить для вас двадцать пять долларов, но ничего не вышло. Зачем она сюда приехала?

– Наверное, просто поведать друзей. Не забудьте, что это я вам сообщила.

– Поведать друзей после стольких лет? И почему в гостинице?

– Действительно, странно.

– Как она выглядит?

– Очень постарела. С ней виделась миссис Пурди, мать ее старой подруги. Говорит, что она выглядит ужасно. За эти годы миссис Линтиг поседела и очень поправилась. Она рассказывала миссис Пурди, что ни разу не чувствовала себя счастливой с тех пор, как ее бросил доктор Линтиг.

– Прошло уже больше двадцати лет, – заметил я.

– Да, это очень большой срок, особенно для того, кто был несчастлив.

– Конечно, – согласился я. – А зачем вы напомнили мне о своих заслугах?

– Потому что не люблю, когда меня отодвигают в сторону.

– Кто вас отодвигает?

– Вы.

– Что-то я вас не понимаю.

– Не притворяйтесь, Дональд. С миссис Линтиг связано что-то важное. Слишком многие проявляют к ней интерес. И если вы не будете мне доверять, то – предупреждаю вас – больше вы ничего не узнаете.

– А как насчет новой информации? – спросил я.

– Посмотрим. Дональд, что на самом деле случилось с вашим глазом?

– Я встретился с Чарли.

– С Чарли?

– Да. Вы знаете, о ком я говорю. Ваш жених был возмущен, что я пригласил вас на ужин.

– О! – Мариан опустила глаза. В уголках ее губ заиграла улыбка. – Он ревновал?

– Ужасно.

– Вы ударили его первым?

– Нет, он нанес первый удар.

- А кто ударил последним?
- Первый удар и был последним. Старая поговорка «Кто был первым, тот станет последним» вполне применима и к дракам.
- Мне придется поговорить с Чарли, – сказала она. – Он не повредил руку?
- Его рука, наверное, стала короче на пару дюймов от этого удара. Но в остальном он в порядке. Так как насчет новых сведений?
- А о чем вы хотите услышать?
- О вашей полиции. У вас есть сорокалетний коп ростом шесть футов, весом около двухсот двадцати фунтов, черноволосый, с серыми глазами, раздвоенным подбородком и родинкой на правой щеке? У него характер верблюда и сговорчивость мула. Его, конечно, зовут не Чарли?
- У нас такого нет, – сказала Мариан. – Нашим копам лет по шестьдесят – шестьдесят пять. Их назначают по блату. Они все жуют табак, все очень подозрительны и главной своей задачей считают выкачать побольше штрафов с заезжих водителей, чтобы пополнить свой заработок. Дональд, это коп поставил вам синяк под глазом?
- Точно не знаю. Я могу снять объявление в газете?
- Уже поздно. Вот ваша почта. – Мариан протянула мне мешочек с письмами, перевязанный прочной веревкой.
- О господи! Похоже, все местные жители сочли своим долгом мне написать.
- Здесь всего тридцать семь писем, – возразила Мариан. – Не так уж это и много. Теперь вы понимаете, что объявления в «Блейд» приносят хороший результат?
- Мне нужна секретарша, – сказал я. – Лет двадцати двух – двадцати трех, с карими глазами и каштановыми волосами, с приятной, искренней улыбкой.
- И конечно, она должна быть верна своему боссу?
- Да, разумеется.
- Среди тех, кто ищет работу, я не знаю ни одной, соответствующей вашим требованиям, – улыбнулась Мариан. – А впрочем, я буду иметь это в виду.
- А вы могли бы взять меня на работу на пару часов?
- А чем вы хотите заняться?
- Взять интервью для «Блейд».
- Мы могли бы использовать мужчину лет двадцати шести – двадцати семи, ростом пять футов пять дюймов, с волнистыми темными волосами, умными темными глазами и синяком под глазом. Но он должен будет работать на газету, а не на себя.
- Вы ведь родственница редактора газеты?
- Да, он мой дядя.
- Скажите ему, что вы наняли репортера, – сказал я, направляясь к двери.
- Смотрите не подведите нас, Дональд.
- Не сомневайтесь.
- Вы хотите пойти к миссис Линтиг?
- Да.
- И представитесь ей как репортер «Блейд»?
- Как раз это я и собираюсь сделать.
- Могут быть осложнения, Дональд, – серьезно сказала она. – И я боюсь, что дяде это не понравится.
- Это будет ужасно. Мне придется занести вашего дядю вместе с Чарли в список местных врагов.
- Вы не хотите забрать свою почту? – спросила она.
- Не сейчас. Я зайду к вам позже. Скажите, а человек, которого я описал, не может оказаться помощником шерифа?

- Нет. Они все носят большие сомбреро. И вообще, это очень приличные люди.
- У этого человека манеры столичного жителя, – сказал я и направился к двери.
- Если вы возьмете меня в долю, – сказала она мне в спину, – я готова с вами работать.
- Боюсь, что не смогу взять вас в долю. Я же говорил, что пробовал это сделать, но

ничего не вышло.

Мне показалось, что в ее глазах промелькнуло что-то похожее на облегчение.

- Ладно, – сказала она, – по крайней мере вы не скажете, что я вам этого не предлагала.
- Я кивнул и закрыл за собой дверь.

Когда я вернулся в гостиницу, миссис Линтиг в холле не было. Клерк предложил позвонить ей в номер.

Система телефонной связи была гордостью гостиницы. Ее установили недавно, чтобы «полностью модернизировать» здание. В холле аршинными буквами было написано: «ДОМОФОН». Под этой надписью на убогом столике стоял один телефонный аппарат. Я взял трубку, и дежурный соединил меня с номером миссис Линтиг.

- Алло. – Ее голос звучал глухо и осторожно.
- Вас беспокоит мистер Лэм из «Блейд». Я хотел бы взять у вас интервью.
- О чем? – спросила она.
- Нашим читателям интересно будет узнать, как вы нашли Оуквью после долгого

отсутствия.

- И ничего о... о моих личных делах?
- Ни слова. Я сейчас поднимусь, если вы не возражаете.

Она явно колебалась, но я уже положил трубку и двинулся к лестнице. Миссис Линтиг ожидала меня у двери своего номера.

Она была довольно массивной, волосы ее поседели, глаза были темными и мрачными. Лицо миссис Линтиг было напряженным, в глазах светилось тревожное ожидание. Чувствовалось, что она хочет остаться одна и вовсе не расположена принимать посетителей.

- Это вы мне звонили? – спросила миссис Линтиг.

- Да.
- Как вас зовут?
- Лэм.
- И вы работаете в одной из газет?
- Да, у нас всего одна газета.
- Как, вы сказали, она называется?
- «Блейд».

- Ах да. Но я не хочу давать интервью.

– Мне кажется, я вас понимаю, миссис Линтиг. Вас, естественно, возмущает мысль о том, что газета может вмешаться в ваши личные дела. Но мы только просим вас поделиться впечатлениями о городе. Ведь вы здесь так долго не были.

- Двадцать один год.
- Как вам понравился город?

– Забытый богом провинциальный городишко. Страшно подумать, что я прожила здесь столько лет. Если бы можно было вернуться в прошлое, я не стала бы терять здесь время. Если бы я только могла... – Она замолчала и посмотрела мне в глаза. – Наверное, об этом не стоит говорить?

- Да, пожалуй.
- Я тоже считаю, что это лишнее. Так что я должна сказать?

– Что город до сих пор сохранил свою неповторимую индивидуальность. Может быть, другие города быстрее развивались, но при этом стали безликими. А Оуквью смог сохранить свою особую прелесть.

Близоруко прищурившись, она внимательно разглядывала меня.

– Я вижу, вы сами знаете все ответы, – сказала она. – Перейдите, пожалуйста, к свету, здесь я буду вас лучше видеть.

Я подошел к лампе.

– Вы выглядите слишком молодо для репортера.

– Да, пожалуй.

– Я не могу разглядеть вас как следует. Эта гостиница заслуживает звания самой ужасной уже потому, что мальчик-посыльный разбил мои очки через пятнадцать минут после того, как я сюда въехала. Он уронил чемодан прямо на них, и очки разлетелись вдребезги.

– Это ужасно, – сказал я. – У вас это была единственная пара?

– Да. Мне пришлось послать за запасными. Сегодня их должны доставить.

– Откуда их пришлют? – поинтересовался я.

Ее глаза сверкнули, и она внимательно посмотрела на меня.

– От моего окулиста.

– Из Сан-Франциско?

– Мой окулист, – твердо сказала миссис Линтиг, – отправил их по почте.

– Значит, вы заметили, – я поспешил сменить тему, – как изменился наш город?

– Еще бы!

– Конечно, это уже не то место, которое вы помнили. Оуквью, наверное, кажется вам теперь гораздо меньше.

– У меня такое впечатление, что я рассматриваю город через бинокль, повернутый обратной стороной. Не понимаю, что удерживает здесь людей.

– Климат, – ответил я. – Когда-то я плохо его переносил, и мне даже пришлось уехать. А потом вернулся сюда и прекрасно себя чувствую.

– А что с вами было? – озадаченно спросила она.

– О, много всякого.

– Вы выглядите немного хрупким, но вполне здоровым человеком.

– Я действительно теперь здоров. Вы, наверное, смотрите сейчас на Оуквью, как человек, повидавший мир. Когда вы уезжали, то видели наш город как бы изнутри. А теперь вы стали гражданином мира. Скажите мне, миссис Линтиг, как вы находите Оуквью по сравнению с Лондоном?

Она легко преодолела это препятствие.

– Он поменьше, – сказала она и, чуть помолчав, добавила: – А кто вам сказал, что я была в Лондоне?

Я улыбнулся самой обаятельной улыбкой, но она не подействовала на миссис Линтиг – видимо, потому, что она была без очков.

– Ваши манеры, – сказал я. – У вас появился космополитический стиль. Вы теперь вовсе не кажетесь частью Оуквью.

– И слава богу. Этот городок нагоняет на меня тоску.

Я достал блокнот и сделал небольшую запись.

– Что это? – подозрительно спросила она.

– Я просто записал ваши слова, что городок наш не современный, но сохранил свою индивидуальность.

– Чувствуется, что вы очень тактичный человек, – сказала она.

– Это необходимое для репортера качество. Вы поддерживали контакт с доктором Линтигом?

– Нет, хотя мне бы этого хотелось. Я понимаю, что он где-то заработал уйму денег. После всех неприятностей, которые он мне причинил, было бы справедливо, если бы теперь он что-нибудь сделал для меня.

- Значит, вы что-то о нем слышали?
- Нет.
- Должно быть, вся эта история была для вас ужасным потрясением, миссис Линтиг?
- Да. Она испортила всю мою жизнь. Я приняла ее очень близко к сердцу. Он значил для меня больше, чем я думала, и я пришла в неистовство, когда узнала о его неверности. Подумать только, он содержал эту женщину прямо под носом у меня!
- Судя по записям, он перевел всю собственность на ваше имя?
- Ну, это была капля в море. Нельзя разбить сердце женщины, разрушить ее жизнь, а потом швырнуть ей подачку и считать, что она будет вести себя, словно ничего не произошло.
- Да, я понимаю. Наверное, эта история постоянно мучила вас. Это дело так и не было закрыто?
- Теперь оно закрыто, – заметила миссис Линтиг.
- Закрыто?
- Да. Как вы думаете, для чего я приехала в Оуквью?
- Навестить старых друзей.
- У меня нет здесь друзей. Те, что были, давно разъехались. Такое впечатление, что все, кто чего-то стоил, уехали из города. Что произошло с Оуквью?
- Ему постоянно не везло. Железная дорога перенесла свои мастерские, а потом произошли еще кое-какие неприятности.
- Хм, – сказала она.
- Я так понял, что вы все еще замужем за доктором Линтигом?
- Ну конечно.
- И вы не слышали о нем в течение двадцати одного года?
- Но мы же договорились, что вы не будете задавать таких вопросов.
- Не для печати, – попытался настаивать я. – Мне просто хочется лучше вас понять.
- Постарайтесь понять меня без этой информации.
- Вашу историю, – сказал я, – можно рассматривать с позиций общечеловеческих интересов – несчастье развода и все, что с этим связано. Вас и доктора Линтига все здесь признавали и были о вас самого высокого мнения. У вас было множество друзей. Потом все это началось для вас как гром среди ясного неба. Вы оказались перед необходимостью заново строить свою жизнь.
- Я рада, что вы смогли посмотреть на все моими глазами.
- Я пытаюсь понять вас. Хотелось бы узнать немного больше. Это сделало бы статью интереснее.
- Вы человек тактичный, – ответила миссис Линтиг, – а я нет. Вы знаете, как нужно писать, а я нет.
- Значит, вы разрешаете мне высказывать свои собственные суждения?
- Да... Нет. Погодите минутку... Пожалуй, нет. Думаю, лучше вообще не касаться этого вопроса. Просто скажите, что иск отозван. Этого достаточно. Я бы не хотела, чтобы о моих чувствах распространялись в прессе ради того, чтобы удовлетворить любопытство любителей скандалов.
- Вы ничего плохого не сделали. Это все доктор Линтиг.
- Теперь я понимаю, что была просто маленькой дурочкой. Если бы я тогда лучше знала жизнь, то просто закрыла бы глаза на все, что происходит, и спокойно оставалась бы его женой.
- Вы имеете в виду, остались бы жить здесь, в Оуквью?
- Она даже вздрогнула:

– Господь с вами, нет! Этот город мертв... Он старомоден, но смог сохранить свою индивидуальность. Он совсем неплох для людей, которые к нему привыкли.

– Наверное, странствия изменили вас. Может быть, изменились вы сами, а Оуквью остался прежним.

– Наверное.

– Где вы сейчас живете, миссис Линтиг?

– Здесь, в этой гостинице.

– Я имею в виду ваш постоянный адрес.

– Вы хотите его опубликовать?

– Почему бы и нет?

Она рассмеялась:

– И половина городских психов начнет мне писать письма. Нет, я уже не существую для Оуквью, а Оуквью не существует для меня. Это была тяжелая глава в моей жизни, и я хотела бы закрыть ее и забыть.

– Тогда, я думаю, вы хотели бы оформить развод и обрести свободу.

– Мне не нужна свобода.

– Разрешите спросить, почему?

– А это уже не ваше дело. Бог мой, неужели я не могу приехать в город и уладить свои дела без того, чтобы газетчики совали нос в мою личную жизнь!

– Люди интересуются вами. Многие ломали голову над тем, что с вами произошло.

– Кто?

– О, очень многие.

– Более конкретно, пожалуйста.

– Практически все наши читатели.

– Не верю. Не могут они помнить человека, который уехал сто лет назад.

– А позже вы с кем-нибудь говорили о разводе?

– А если и говорила, то что из этого?

– Я просто поинтересовался.

– Вы слишком много хотите знать, молодой человек, – сказала она. – Вы обещали, что не станете выпытывать мои личные тайны.

– Только то, что вы сами хотели бы нам сообщить, миссис Линтиг.

– А я ничего не хотела бы вам сообщать.

– Имея в виду обстоятельства, можно предположить, что такая женщина, как вы, – прошу меня простить, миссис Линтиг, – такая привлекательная женщина могла встретить человека, которого она бы полюбила и снова вышла замуж.

– Кто сказал, что я снова вышла замуж? – воскликнула она, глядя на меня горящими черными глазами.

– Это было просто предположение.

– Вот что, пусть лучше люди в Оуквью думают о своих делах, а я займусь своими.

– И конечно, всех интересует, что случилось с доктором Линтигом и его медсестрой.

– Да я бы пальцем о палец не ударила, чтобы узнать о нем! Я живу своей собственной жизнью.

– Но если вы отзовете иск о разводе, то юридически вы останетесь замужем за доктором Линтигом. Сейчас вы его законная жена, если только не было развода в Рино или...

– Развода не было.

– Вы так уверенно об этом говорите.

– Конечно. Я же знаю состояние моих дел и знаю, что я сделала.

– Но вы не знаете, что он сделал.

– Это не имеет значения. Дело о разводе было возбуждено здесь, в Оуквью, и подлежит юрисдикции местного суда. Пока это дело не закрыто, он нигде не мог получить свидетельства о разводе, которое стоило бы больше, чем бумага, на которой оно написано.

– Это вам подсказали ваши адвокаты?

– Мистер Лэм, – сказала она, – мы, кажется, уже достаточно поговорили. Я ничего не буду сообщать прессе о моих личных делах. Вы хотели узнать, какие у меня впечатления от Оуквью, и я вам об этом рассказала. Я еще не завтракала, и у меня ужасно болит голова из-за этих разбитых очков. Какой растяпа этот посыльный!

Она встала, подошла к двери и открыла ее.

– Вы хотите что-то написать о докторе Линтиге?

– Я хочу написать о прекращении дела о разводе.

– А зачем?

– Это интересная новость.

– Ну хорошо, напишите об этом.

– И ваш приезд в Оуквью – это тоже интересная новость.

– Напишите и о моем приезде.

– Читателям будет интересно узнать и ваш комментарий.

– Я не давала никаких комментариев. Вы просто поговорили со мной, и я не хочу, чтобы хоть одно слово из того, что я сказала, было опубликовано. До свидания, мистер Лэм.

Я вежливо поклонился:

– Большое спасибо за интервью, миссис Линтиг.

Она со стуком захлопнула за мной дверь. Я вернулся в редакцию «Блейд».

– У вас есть переписчик? – спросил я у Мариан.

– О да, мистер Лэм, для лучших репортеров.

– А где он?

– Вон в том углу. Его зовут мистер Корона, мистер Смит-Корона.

– Перед тем как идти к нему, я хочу вам сообщить, что взял интересное интервью у миссис Линтиг. Она требует, чтобы мы его не публиковали, и грозит обвинить газету в клевете. Будем мы его публиковать или нет?

– Не будем, – быстро ответила она.

– Я могу сделать из этого превосходный очерк, из тех, что нравятся вашим читателям.

– И это может принести нам новых подписчиков?

– Наверняка.

– А откуда они возьмутся?

– Это нечестно, удар ниже пояса! – притворно возмутился я.

– Понимаете, мистер Лэм, мы отстали от жизни, – улыбнулась Мариан. – Мой дядя – человек старомодный, и он не захочет, чтобы газету обвинили в диффамации.

– Но ваш дядя сказал, чтобы вы пошли со мной поужинать и выудили новости, – возразил я. – Так что он не безразличен к новостям.

– Я рада, что вы напомнили мне о моих обязанностях. Так как насчет очерка?

– Нет, – ответил я. – Если ваш дядя его опубликует, я подам на него в суд за диффамацию.

– Но вы можете по крайней мере удовлетворить мое любопытство?

– Я вас знаю, – усмехнулся я. – Как только я вам все расскажу, вы тут же бросите меня одного. Вспомните, как вы учили меня заказывать ужин.

– Мой дядя не разрешит мне идти с вами, если я не получу интересных сведений.

– Пожалуй, это верно, – согласился я. – Попробую что-нибудь придумать.

– А что вы предприняли по багажу Эвелин Делл? – вдруг спросила она.

– Подождите, давайте по порядку. Что это за багаж Эвелин Делл?

– Вы знаете это лучше меня, Дональд. Вы человек изобретательный. Мы выяснили, что фамилии и адреса Миллера Кросса и Эвелин Делл были фальшивыми. Это все, что мы узнали. Потом, естественно, мы уточнили, что предприняли вы.

– И что же вы узнали?

– Что вы наводили справки относительно багажа. После этого мы написали в железнодорожную компанию. Сегодня утром я получила от них письмо и узнала, что иск был предъявлен не Эвелин Делл, а Эвелин Д. Харрис.

– Вы получили ее адрес?

– Да. Железнодорожная компания всегда хорошо относилась к местным газетам.

– И вы собираетесь встретиться с ней?

– А вы?

– Смотря по обстоятельствам.

– Что она вам сказала, Дональд?

Я покачал головой.

Девушка сердито посмотрела на меня:

– Вы хотите играть по очень странным правилам – все брать и ничего не давать.

– Мне очень жаль, Мариан. Вы хотите, чтобы мы были партнерами и обменивались информацией. Но я просто не могу пойти на это. Вы работаете в газете и хотите сделать очерк, а мне нужно совсем другое. Реклама может только помешать моей игре.

Девушка задумчиво водила карандашом по лежавшему перед ней листку бумаги.

Через минуту она сказала:

– Ну что же, теперь мы с вами понимаем друг друга.

– Ваш дядя дома? – спросил я.

– Нет. Он уехал на рыбалку.

– А когда он уехал?

– Вчера рано утром.

– Значит, он еще не знает?

– О чем?

– О приезде миссис Линтиг.

– О, – сказала она. – Дядя не уезжал до тех пор, пока все не разузнал о ее приезде.

– И он доверил вам описать это большое событие и выпустить газету.

Мариан еще немного порисовала, а потом ответила:

– Для газеты это не большая новость, Дональд. Миссис Линтиг никого особенно не интересует. Это давняя история. Люди, которые ее знали, уехали отсюда. Это были люди молодые. Когда ушел бизнес, ушли и они.

– Что же все-таки случилось с вашим городом? – спросил я.

– Вывалилось дно, – ответила Мариан. – Железнодорожные мастерские переехали. Проходчики в нашей шахте дошли до водяного кармана, и выработка была затоплена. Они так и не смогли откачать оттуда воду. А потом была еще целая серия неприятностей. Когда в городе такой спад, люди всегда бегут из него.

– Но ваш дядя видел и лучшие времена?

– О да, он уроженец Оуквью и ни за что отсюда не уедет.

– А вы?

В глазах девушки внезапно сверкнула ненависть.

– Если бы я только могла отряхнуть пыль этого захолустья с моих ног, – сказала она, – я бежала бы отсюда куда глаза глядят. Мое пальто и шляпка там. – Она показала пальцем на небольшой шкаф. – Укажите мне возможность переехать в город – и я не стану тратить время даже на то, чтобы взять шляпку и пальто.

– Почему бы вам тогда не поехать в город и не попробовать завести там знакомства?

– Я собираюсь сделать это в ближайшие дни.

– А что скажет Чарли?

– Оставьте Чарли в покое!

– Мне кажется, что ваш приятель – это не тот здоровый парень с раздвоенным подбородком и родинкой на щеке.

Ее карандаш носился по листку с бешеной скоростью.

– Я не люблю, когда меня дурачат, – сказала Мариан.

– Я вас не дурачу. Я спрашиваю.

Она швырнула карандаш на стол и посмотрела на меня.

– Вы снова играете, Дональд Лэм. Но вам меня не обдурить. Вы очень хитры, осторожны и находчивы. Но я чувствую, что здесь пахнет каким-то большим делом. Если бы я узнала, что это, то могла бы уехать отсюда и устроиться где-нибудь в большом городе. А я только об этом и мечтаю.

– В таком случае, – сказал я, – мне остается только пожелать вам счастья.

– Счастья? – переспросила она.

– Да, счастья в этом городе. – Я пошел к выходу.

Я чувствовал, что она стоит у стола, глядя на меня с обидой и возмущением, но не оглянулся.

Когда я вернулся в гостиницу, портье сказал, что меня вызывали по междугородной. Я зашел в номер, взял трубку и через десять минут услышал голос Берты Кул. Она говорила самым вкрадчивым голосом, на какой была способна:

– Дональд, милый. Никогда больше так не делай.

– Что вы имеете в виду?

– Не уходи от Берты надутым.

– У меня была работа, и я пошел ее выполнять. С ней и так вышла слишком большая задержка. А если на мое имя еще будут приходить телеграммы наложенным платежом, вы их, пожалуйста, оплачивайте.

– Обязательно, Дональд, – промурлыкала она. – У Берты было ужасное настроение. Одна маленькая неприятность совершенно выбила ее из колеи.

– Вы что, звоните мне в Оуквью, только чтобы рассказать о своем настроении?

– Нет, милый, я хотела сказать, что ты был прав.

– Относительно чего?

– Относительно доктора Линтига. Я только что проверила записи в Медицинском бюро. Пришлось, конечно, посидеть, пока я разобралась в их бумагах, но я это сделала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.